ПИСАТЕЛЬ АРКАДИЙ ВАЙНЕР, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР И УРАЛМАША
ИМЕНИ Н. И. КУЗНЕЦОВА:

2207

«Жанр, герой, мечта»

...Длинная очередь у кассы кинотеатра «Салют». Передо мной муж и жена обсуждают проблему воскресного вечера.

— Ну некуда податься, — возмущается она. — В «Совкино» — «Из жизни начальника уголовного розыска», здесь «Тайна корабельных часов», даже для детей, вон, пожалуй: «Витя Глушаков — друг апачей». Слово не жизнь у нас, а сплошные приключения!

И еще один «вечерний сюжет». Возвращаюсь из командировки. Из окна пустого троллейбуса — безлюдные улицы, сквозь освещенные витрины магазинов — сиротливые фигуры продавцов. Что случилось, где прохожие? А дома вся семья перед телевизором... Глеб Жеглов голосом Высоцкого сообщает: «Наступила эра милосердия. Шарапов...» Идет очередная серия телефильма «Место встречи изменить нельзя»...

В чем же противоречие между этими двумя картинками, взятыми из жизни? В первом случае распространенное мнение человека, уставшего от семейных проблем, втайне жаждущего хотя бы на экране иной, более «красивой» жизни. Во втором — притягательность детективного фильма оправдывается его яркой зрелищностью, острыми конфликтами и неожиданностью развязок.

Но так ли все просто? Может, есть иные, более веские и серьезные причины, породившие недоброжелательное отношение к детективному жанру? К жанру, как ни парадоксально, неизменно охватывающему самую большую и зрительскую, и читательскую аудиторию.

Сегодня мы говорим об этом с писателем — признанным мастером героико-приключенческого жанра Аркадием Вайнером, старшим из творческого тандема братьев Вайнеров.

— В любом случае жанр тут не виноват, — улыбнулся он.

— Детективный жанр, или как его еще называют, приключенческий, — это род литературы и кинематографа, которые призваны заниматься человековедением. Не виноваты зрители и читатели, которым не нравится то или иное произведение. Но всегда виноваты авторы недоброкачественной кинолитературной продукции, которой, к сожалению, еще много. И все же, в социальном плане — это проблема не качества, как ошибочно иногда считают, а компетентности.

Что же касается популярности жанра, то ее истоки надо искать не только и не столько в его, так сказать, броской внешности, а в самом человеке. В каждом из нас живет мечта о подвиге, о том героическом поступке, который бы поднял нас над буднями. Мы умеем трудиться, и среди нас немало героев труда. И даже если нам работа в радость, это все равно труд — от слова «трудно». Постоянных праздников не бывает, а героико-приключенческий роман или кинофильм и предлагают нам праздник нашей мечты. Показывают нас ловкими, сильными, отважными, в любую минуту готовыми к подвигу. И тогда пылкий зритель или читатель невольно ставит себя на место того или иного героя: а мог бы я так? Только не все задумываются о том, что у работников советской милиции, фильм или книгу о

которых они смотрят, читают, — это и есть их каждодневный труд, их будни.

— Аркадий Александрович, думаю, тему компетентности можно продолжить. Вы ничего не рассказали о себе в этом плане. Мы, читатели, знаем, что о вас говорят ваши книги, и пороку тому золотые медали и дипломы лауреатов премии имени Н. И. Кузнецова.

— Тогда мне надо начать с того, что мы с братом никогда не помышляли о литературной стезе. Мы мечтали быть юристами и изучали юриспруденцию. Георгий — юрист по гражданским делам, я — криминалист.

Помню, как после распределения на юрфаке МГУ я впервые отправился на службу. Подошел к серому, довольно строгому зланию в центре Москвы по адресу, известному всем, — Петровка, 38. Поднялся на пятый этаж и постучал в дверь с невыразительной, криво приклеенной кнопками табличкой «ОББ — отдел борьбы с бандитизмом». За этой дверью обычные на вид парня курили, рассказывая анекдоты и громко смеялись. А через полчаса мы все поехали на довольно опасное дело, где не обошлось без стрельбы. Так началась моя служба.

— В беспощадной борьбе с преступностью гибнут работники милиции, и при этом устами героев вы заявляете, что наступила эра милосердия? Нет ли здесь противоречия?

— Нет. Именно там, где сходятся пути добра и зла, в человеческих отношениях особенно ярко проявляется героизм — высшая форма гуманности человека. Писатель, работающий в приключенческом жанре, оперирует таким жизненным материалом, в котором героизм тем выше, чем беспощаднее зло. И пишем мы не о насилии и убийствах, не о кражах и беззаконии, а о борьбе с ними. В этом и заключается суть милосердия.

Если вы читали наши книги, помните, что говорит о себе и своих товарищах наш постоянный герой, инспектор МУРа Станислав Тихонов: «Мы — черноработчие человеческой беды... До тех пор, пока есть еще боль и насилие, мы будем еще очень нужны людям».

Но эра милосердия — это еще и мечта авторов, и их гражданская позиция, и это мечта простых советских людей, уставших от войны (роман «Эра милосердия» — о послевоенном времени). Все их чаяния связаны, конечно же, с миром, с чистой и светлой жизнью в нем. Но мир наш еще далеко не совершенен, и потому честные и мужественные люди ведут непонимную, каждодневную войну с теми, кто мешает нам жить. И часто погибают в этой войне за нашу мечту, за приближение и утверждение на земле эры милосердия, эры гуманизма. В этом и заключается пафос нашего прекрасного, героического жанра.

— И последний, традиционный вопрос: что в ближайшее время вы можете предложить нам, читателям и почитателям ваших произведений?

— Сейчас мы с братом работаем над романом с нашими постоянными героями: старшим инспектором МУРа Станиславом Тихоновым и его помощницей инспектором Лавровой.

Беседу вел Е. ГРЯЗИН.

- 1 ФЕВ 1984

НА СМЕНИ
г. Свердловск